

УДК 81'42:821.133.1 Шмитт

М.И. Логвиненко,
аспирант кафедры романской филологии
Киевского национального лингвистического университета (Украина)

ВОЗМОЖНЫЕ МИРЫ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ (на материале произведений Э.-Э. Шмитта)

Современная лингвистическая наука все чаще трактует художественный текст как упорядоченный, существующий по своим правилам и принципам возможный мир, который способен порождать другие возможные (под)миры [1, с. 162–163; 2, с. 28–33; 3]. Предложенный тезис является фундаментальным в общей теории возможных миров, но в то же время представляет собой комплексную междисциплинарную проблему определения границ возможного и реального миров художественного текста. Американские лингвисты применяют основные положения теории возможных миров в исследовании лингвоконцептуального пространства текста. М.-Л. Райан предлагает рассматривать текстовые возможные миры через призму отдаленности / приближенности реального мира [4]. Осознание первых происходит посредством знаний о последнем, то есть в процессе чтения возможные миры (ВМ) «фильтруются» на основе реального. Т. Павел объясняет существование ВМ их подобием реальному, а точнее миру опыта читателя [5, с. 3–7], который дублирует и интегрирует ВМ.

Украинские ученые, в свою очередь, сосредоточивают свое внимание на заложенных в интенциях текста ВМ, определяя их как версии реального мира, отображение прообраза (объективного мира), однородные по своему историческому стержню миры, квазиреальность [6, с. 5; 7, с. 117; 8, с. 136; 9, с. 21–22].

Особый интерес представляет анализ основных положений теории возможных миров во французской лингвистике, где ВМ традиционно рассматриваются с точки зрения философии. Перенесение данных знаний в плоскость художественного текста открывает новые подходы к интерпретации современной постмодернистской литературы [10, с. 3–5], которая разрушает общепринятое представление о единичной мировой или пространственной текстовой организации.

Одной из фундаментальных французских работ является труд Ф. Лавока «Теория лите-

ратурных возможных миров» («*Théorie littéraire des mondes possibles*»). Исследователь резюмирует не только известные на сегодня методы изучения ВМ, но и предлагает собственную концепцию декодирования ВМ в тексте. Ведущий постулат этой теории состоит в смене фокуса исследования ВМ, а именно в *мысленном перенесении* (термин Ф. Лавока – от франц. *transfert imaginaire* [11, с. 25]) в ВМ текста, которое предусматривает существование мира текста как генерирующего (*monde de référence, monde de départ*) референции к другим мирам, образующим при этом мировую *полиреферентность* (*polyréférence*) всех присутствующих в тексте ВМ [11, с. 26]. Классифицируя ВМ, Ф. Лавока предлагает следующие критерии: репрезентативность ВМ в тексте, уровень их взаимозависимости (*dépendance*), автономность (*autonomie*), доступность (*multi-accessibilité*) при чтении текста [11, с. 48–50].

В теории Ю.С. Степанова это явление описывается как порождение центральным, генерирующим миром Я (реальности) разнообразных художественных миров [12, с. 229–230]. Из этого следует, что ВМ оказываются симметричными не только по отношению друг к другу, но и к отправному, «реальному», «насыщенному ВМ» текстовому миру [13].

М. Корти характеризует ВМ как один из видов «спектра миров», которые они порождают [14, с. 162]. Чем больше количество ВМ, тем шире по значимости порожденные ими другие ВМ. Масштабность ВМ объясняет сложность в определении границ «спрятанного», растворенного реального мира текста. Кроме того, А. Содан считает подобную ситуацию нормальной в том смысле, что читатель имеет возможность перемещаться мирами текста и «проживать» в каждом из этих «жилых комплексов» (*ensembles habitables*) [15, с. 152–153]. Другими словами, ВМ подменяют / замещают реальный, образуя «художественный коктейль» из нескольких «мировых» текстовых цельностей.

Н. Мурзили рассматривает ВМ художественного текста как возможность реального, а не ссылку на онтологически определенный мир [16]. Французский ученый А. Коклян оперирует термином трансфикциональности (от франц. – *transfictionnalité* [17, с. 100]), который определяет множество ВМ в тексте. Более того, А. Коклян настаивает на принадлежности текста («высказанной картинке») к нескольким мирам – материальному (выписанному на страницах романа, повести и т. д.) и возможному (порожденному текстом) [17, с. 57]. В результате взаимодействие ВМ образует мир текста, а значит – его пространство.

В данной статье мы применяем вышеупомянутые подходы в анализе особенностей ВМ в прозаических произведениях современного французского писателя Эрика-Эммануэля Шмитта.

Мир «переписанной истории». Мир романа Э.-Э. Шмитта «La part de l'Autre» концентрируется на моделировании жизни Адольфа Гитлера после его поступления в Венскую художественную академию в 1908 г. Допустим, что знание истории, которым владеет читатель, позволяет рассматривать текстовый мир произведения как реальный, но последующее развитие событий, где Адольф Гитлер – успешный художник, человек высоких моральных и духовных ценностей, переводит заявленный в начале романа мир в плоскость возможного (*Adolf Hitler: admis* (Schmitt, PA, 12)). Интерференция данных миров свидетельствует о нереальности самого художественного мира. В определенной мере мир «переписанной истории» соответствует параллельному миру из типологии А.П. Бабушкина, согласно которой ВМ – это отдельно существующие параллельно ментальные пространства [18, с. 36], отвечающие пространству исторического образа Гитлера и созданного автором. «Мировая» комплексность романа и взаимопроникновение ВМ образуют нечеткий и сложный для осмысления текстовый «реальный» мир, на который проектируются одновременно миры всего текста.

Мир сновидений. Использование психоаналитического похода в исследовании сновидений как одного из онтологических состояний персонажа определяет целое направление в интерпретации художественного текста, в частности постмодернистского. А. Кюрьен доказывает, что сновидения, галлюцинации, фантомы не всегда привносятся в текст элемент сверхъестественного или авторского подсознания. Они составляют целостность текстового мира – неотъемлемую и композиционно-незаменимую часть [19, с. 186–187]. Выписывание сновидений в тексте – это способ не заполнить, а наполнить как пространство текста, так и внутреннее пространство персонажей или самого автора. Таким образом, в художественном тексте сновидения приобретают значение мирообразующих (под)миров.

Придерживаясь взаимосвязи между реальностью и сновидениями, а также принципа внедрения авторского подсознания в пространственную структуру текста, можно утверждать, что сновидения объединяют реальное и воображаемое Я с тем, что переживается во время сна. На примере рассказа «Milagres» замечаем, что заданный мир сновидений оказывается отправным в развитии сюжета произведения (*Tout a commencé par un rêve* (Schmitt, MLRP, 7)). Сон, изложенный в начале произведения, остается актуальным для повествователя в реальном мире. Мир сновидений можно рассматривать как ретроспективный, проектирующий элементы реального мира на созданный по аналогии с действительным миром в процессе сна.

Мир Другого. Интеграция мира Другого в целостность текстовых миров объясняется попыткой понять свой собственный мир и в случае, когда он не оправдывает возлагаемые на него надежды, подстроить его под мир Другого – лучшего, необъятного, желанного. Венгерская исследовательница Э. Шалье-Визува-лингем предлагает схему, согласно которой в художественном тексте можно исследовать присутствие ВМ Другого. Основными критериями исследования выступают *оценочное суждение* (позитивные / негативные качества Другого), *позиция приближенности / отдаленности Другого* (Я принимаю Другого, сопоставляю себя / придерживаюсь дистанции) и *позиция нейтралитета / индифферентности* (Я знаю / не знаю идентичность Другого) [20, с. 156]. Немецкий философ Г. Гадамер видит присутствие Другого в самом Я, которое, стремясь познать мир Другого, неосознанно углубляется в поиск собственного мира [21, с. 207]. В прозе Э.-Э. Шмитта мир Другого руководствуется принципом дистанции по отношению к Я (*Souvent je rêve d'avoir été avant d'être, je rêve que j'assiste aux minutes précédant ma conception* (Schmitt, UB, 9–10)). Приближенность или отдаленность этого мира определяется степенью импликации Я в мир Другого и наоборот – местом мира Другого в реальном мире Я. Мир Другого существует с миром Я, интегрируя порожденные ВМ в текстовый мир.

Подводя итоги проведенного исследования, следует отметить, что современная французская лингвистическая школа рассматривает ВМ как «взаимопронизывающие», сти-

Подводя итоги проведенного исследования, следует отметить, что современная французская лингвистическая школа рассматривает ВМ как «взаимопронизывающие», сти-

мулирующие к появлению других (под)миров миры, конструкты целостного художественного текста, основополагающие текстового художественного мира, который отображает, противопоставляется, сопоставляется, интегрируется с реальной действительностью. На примере произведений Э.-Э. Шмитта убеждаемся, что художественный мир – это совокупность способных к постоянной генерации ВМ, которые играют роль текстового «реального» мира, где мир «переписанной» истории копирует, изменяет реальный мир в то время как мир сновидений выступает ретроспекцией собственного Я, а мир Другого инкорпорируется в текстовый «реальный» мир.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романские студии начала XXI века: текстовые концепты, нарратив, возможные миры: [коллективная монография] / Е.М. Кагановская, А.М. Каратеева, Р.И. Савчук. – К.: Издат. центр КНЛУ, 2012. – 223 с.
2. Целищев, В.В. Философские проблемы семантики возможных миров / В.В. Целищев. – М.: Красанд, 2010. – 200 с.
3. Rabau, S. Les mondes possibles de la philologie classique [Электронный ресурс] / S. Rabau. – Режим доступа: <<http://www.fabula.org/atelier.php/lesmondesposs>>.
4. Ryan, M.-L. Possible worlds theory [Электронный ресурс] / M.-L. Ryan. – Режим доступа: <<file://localhost/Possible-WorldsTheory.mht>>.
5. Pavel, T. Fictional Worlds / T. Pavel. – Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1986. – 380 p.
6. Гладько, С.В. Эмотивность художественного текста: семантико-когнитивный аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / С.В. Гладько. – К., 2000. – 223 с.
7. Кагановская, Е.М. Текстовые концепты художественной прозы: когнитивная и коммуникативная динамика (на материале французской романистики середины XX века): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.05 / Е.М. Кагановская. – К., 2003. – 502 с.
8. Каратеева, А.М. Текстовый концепт ПУТЕШЕСТВИЕ во французской постмодернистской прозе (на материале произведений Ле Клезю): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / А.М. Каратеева. – К., 2008. – 298 с.
9. Обелец, Ю.А. Темпоральная структура возможных миров художественного текста (на материале англоязычной прозы): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ю.А. Обелец. – Одесса, 2006. – 212 с.
10. Doležel, L. Possible worlds in fiction and history: the postmodern stage / L. Doležel. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2010. – 170 p.
11. Lavocat, F. Théorie littéraire des mondes possibles / F. Lavocat. – P.: Ed. CNRS, 2010. – 326 p.
12. Степанов, Ю.С. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1985. – 332 с.
13. Escola, M. Mondes possibles et textes possibles [Электронный ресурс] / M. Escola. – Режим доступа: <<http://www.fabula.org/atelier.Mondespossibles>>.
14. Corti, M. L'Europe comme «lieu mental» et les «mondes possibles» de la littérature / M. Corti // Identité littéraire de l'Europe. – P.: PUF, 2000. – P. 160–167.
15. Saudan, A. Littérature et philosophe. Ecrire, penser, vivre / A. Saudan. – Rosny-sous-Bois: Ed. Bréal, 2004. – 188 p.
16. Murzilli, N. La fiction ou l'expérimentation des mondes possibles [Электронный ресурс] / N. Murzilli. – Режим доступа: www.fabula.org/effet/intervent.php<<http://www.fabula.org/effet/intervent.php>>.
17. Cauquelin, A. A l'angle des mondes possibles / A. Cauquelin. – P.: PUF, 2010. – 204 p.
18. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: ВГУ, 1996. – 103 с.
19. Ecrire au présent: débats littéraires franco-chinois [sous la direction de A. Curien]. – P.: Ed. Maison des sciences de l'homme, 2004. – 330 p.
20. Chaliier-Visuvalingam, E. Littérature et altérité. Penser l'autre / E. Chaliier-Visuvalingam // Revue d'études françaises. – P.-Budapest, 1996. – № 1. – 160 p.
21. Gadamer, H.G. Vérité et Méthode / H.G. Gadamer. – P.: Seuil, 1996. – 534 p.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

MLRP: Schmitt E.-E. Milarepa / E.-E. Schmitt. – P.: Albin Michel, 1997. – 150 p.

PA: Schmitt E.-E. La Part De L'Autre / E.-E. Schmitt. – P.: Albin Michel, 2001. – 474 p.

UB: Schmitt E.-E. Ulysse from Bagdad / E.-E. Schmitt. – P.: Albin Michel, 2008. – 306 p.

SUMMARY

The main particularities of the French contemporary possible worlds theory are discussed in this work. Special attention is paid to its theoretical application in textual semantics especially in Eric-Emmanuel Schmitt's poetical works.

Поступила в редакцию 17.04.2013 г.